

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

УДК 821.161.1.09 «20»

М. А. Фокина

<https://orcid.org/0000-0001-5914-2589>

Языковые средства сказового повествования в рассказе А. Ф. Писемского «История о петухе»

Для цитирования: Фокина М. А. Языковые средства сказового повествования в рассказе А. Ф. Писемского «История о петухе» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 59–66. DOI 10.20323/2499-9679-2020-4-23-59-66

В статье представлен филологический анализ системы языковых средств, определяющих стилистическое своеобразие рассказа Алексея Феофилактовича Писемского «История о петухе» (1865). Цель исследования заключается в выявлении структурно-семантических и прагматических свойств текстовых доминант, которые создают речевой портрет сказителя, диалогизируют его рассказ и обеспечивают смысловую целостность сказового повествования. Изучение языковых приемов и средств стилизации разговорной речи художественного сказа строится с учетом особенностей субъектно-речевой организации произведения: взаимодействия речи перволичного рассказчика и речи сказителя, образующих двуголосое повествование; разнообразия художественных диалогов, воспроизводящих народную речь крестьян и уездных полицейских. Прагматический потенциал анализируемых языковых единиц проявляется в их активном влиянии на композиционную и содержательную организацию сказового повествования. Характеризуются ключевые метафорические образы, созданные лексико-фразеологическими и синтаксическими средствами языка. Последовательно рассматриваются гиперболические сравнительные обороты и градационные ряды, являющиеся выразительными характеристиками событий и поступков персонажей. Детально анализируются художественные диалоги, раскрывающие основной конфликт сказового повествования: столкновение корыстолюбивого и лицемерного станового пристава с деревенскими мужиками, которые стремятся любой ценой избежать недовольства властей. Смысловые доминанты объединяют отдельные композиционные части рассказа в общее повествовательное пространство и усиливают динамику действия. Диалогизация повествовательного монолога осуществляется путем включения прямой речи персонажей и активным взаимодействием субъектно-речевых планов сказителя и перволичного рассказчика. Комическая окрашенность сказового повествования создается текстовыми повторами разных типов, параллельными синтаксическими конструкциями и градационными рядами, контекстуальной синонимией и антонимией, оценочной лексикой и фразеологией, что формирует эмотивность художественного текста, передающего иронию сказителя по отношению к изображаемым событиям, а также меняющиеся чувства и настроения лицемерного полицейского чиновника. В результате исследования языковых особенностей рассказа А. Ф. Писемского «История о петухе» выявлена система речевых средств и приемов стилизации, которые определяют специфику сказового повествования и обладают высоким прагматическим потенциалом, эксплицируют концептуальное содержание текста, обеспечивают его структурно-смысловое единство.

Ключевые слова: сказ, сказовое повествование, сказитель, перволичный рассказчик, речевая стилизация, народно-разговорная лексика, смысловая доминанта, гипербола, градация, ирония, прагматический потенциал.

LINGUISTICS

Russian language

M. A. Fokina

Language means of folk narrative in the story by A. F. Pisemsky «The tale of the rooster»

The article presents a philological analysis of the system of linguistic means that determine the stylistic distinctness of the story by Alexei Feofilaktovich Pisemsky «The tale of the rooster» (1865). The purpose of the study is to identify

the structural, semantic and pragmatic properties of the textual key elements that create a speech portrait of the narrator, dialogize his story and provide the semantic integrity of the narrative. The study of linguistic techniques and means of stylization of the colloquial speech in a tale is based on the peculiarities of the subject-speech organization in a work of fiction: the convergence of the first person narrator's speech and the storyteller's speech, forming a two-voiced narration; a variety of artistic dialogues that reproduce the folk speech of peasants and district police officers. The pragmatic potential of the analyzed linguistic units is manifested in their active influence on the composition and content organization of the fairy tale narration. The article also examines the key metaphorical images created by the lexico-phraseological and syntactic means. A careful consideration in the analysis is also given to hyperbolic comparative patterns and gradation series, which are expressive characteristics of events and characters' actions. The fictional dialogues are analyzed in detail, revealing the main conflict of the fairy tale narration: the clash of a greedy and hypocritical police officer with the village peasants who seek to avoid the discontent of the authorities at any cost. The key semantic elements combine separate compositional parts of the story into a common narrative space and enhance the dynamics of the action. Dialogization of the narrative monologue is carried out by including the direct speech of the characters and the active interaction of the subject-speech plans of the narrator and the primary storyteller. The comic undertone in a fairy tale narration is created by textual repetitions of different types, parallel syntactic constructions and gradation series, contextual synonymy and antonymy, evaluative vocabulary and phraseology, which forms the emotiveness of a literary text and conveys the irony of the narrator in relation to the events depicted, as well as the changing feelings and moods of a hypocritical police official. As a result of the study of the linguistic features in the story by A. F. Pisemsky «The tale of the rooster», the author of the article brings into focus a system of speech means and stylization techniques that determine the peculiarities of the tale narration and have a high pragmatic potential, as well as explicate the conceptual content of the text and ensure its structural and semantic integrity.

Keywords: tale, fairy tale narration, storyteller, first person narrator, speech stylization, popular-colloquial vocabulary, key semantic element, hyperbole, gradation, irony, pragmatic potential.

Введение

Художественное творчество Алексея Феофилактовича Писемского, известного прозаика и драматурга второй половины XIX века, вызывает исследовательский интерес современных литературоведов, его произведения неоднократно становились объектом изучения в отечественной филологии: [Аннинский, 1988]; [Круглова, 2006]; [Лебедев, 2009]; [Лотман, 1982]; [Плеханов, 1984; 1986] и др. В региональном аспекте представлены методические разработки Е. Н. Кругловой по изучению творчества Писемского в образовательных учреждениях Костромской области [Круглова, 2018; 2020]. Меньше изучены языковые особенности художественных текстов писателя, на сегодняшний день отсутствует монографическое исследование, посвященное своеобразию идиостиля писателя, его языковой личности. Некоторые наблюдения над языком прозаика на примере очерка «Питерщик» сделаны в публикации А. Т. Грязновой [Грязнова, 2001]. О. В. Тимашова характеризует яркие черты индивидуальной поэтики Писемского, опираясь на критические статьи Иннокентия Анненского [Тимашова, 2007]. Ю. А. Смирнова анализирует речевую структуру образа героя-рассказчика в повестях и рассказах А. Ф. Писемского [Смирнова, 1991].

Наше исследование рассказа А. Ф. Писемского «История о петухе» основывается на принципах дискурсивного изучения художественного по-

вестования: [Женетт, 1998]; [Киклевич, 2018]; [Чернявская, 2009]; [Kiklewicz, 2015] и др. В современных исследованиях отечественных и зарубежных филологов активно исследуются структура и семантика повествовательного дискурса: [Барт, 1994]; [Падучева, 1996]; [Попова, 2001]; [Радбиль, 2017]; [Фокина, 2007]; [Шмид, 2003] и др. Ученые единодушно отмечают, что повествовательная полифония отражает взаимодействие разных голосов в пределах речевой структуры произведения. В художественном повествовании осуществляется диалогизация авторского монолога, в котором представлена речь повествователя и персонажей. Изучение повествовательной структуры художественного текста строится с учетом её основных составляющих: типа повествования, субъекта речи, повествовательной точки зрения [Николина, 2003].

Специфика сказового повествования проявляется в его ориентации на устную речь сказителя. Теоретические основы изучения языка и стиля сказа были заложены в трудах М. М. Бахтина [2002], В. В. Виноградова [1980], Б. Эйхенбаума [1924]. Современные исследователи определяют сказ как «особую форму авторской речи, проводимой на протяжении всего художественного произведения в духе языка и характера того лица, от имени которого ведется повествование» [Сквородников, 2009, с. 311–312]; «речь рассказчика, которую характеризует комплекс особенностей,

выражающих её нелитературную и вообще неписьменную природу» [Кравченко, 2008, с. 233]. Обычно сказовое повествование представляет собой стилизацию устной разговорной речи. Нередко в роли сказителей выступают люди демократических слоев населения: крестьяне, ремесленники, народные умельцы, паломники, странники. Сказовое повествование ярко представлено в произведениях Н. С. Лескова, П. И. Мельникова-Печерского, Павла Бажова, Бориса Шергина и др.

Рассказ А. Ф. Писемского «История о петухе» включен автором в цикл очерков «Русские лгуны» (1865). Свой художественный замысел писатель формулирует в общем вступлении к циклу: «Прислушиваясь со вниманием к тем темам, на которые известная страна в известную эпоху лжет и фантазирует, почти безошибочно можно определить степень умственного, нравственного и даже политического развития этой страны» [Писемский, 1984, с. 349]. Смысловыми доминантами всего цикла рассказов становятся лексические ряды *ложь – фантазии – актерство; лгать – врать – прихвастнуть – фантазировать*, которые образуют контекстуальную синонимию и создают циклообразующие связи.

Анализируемое произведение является двуголосым повествованием, которое объединяет речевые планы сказителя и перволичного рассказчика.

Цель комплексного филологического анализа рассказа заключается в выявлении структурно-семантических особенностей и прагматических свойств ведущих языковых средств, их роли в организации сказового повествования, формировании текстовых смыслов и создании речевого портрета сказителя.

Особенности речевого портрета сказителя.

Приемы и средства стилизации разговорной речи

В роли сказителя выступает старик Шамаев. В тексте рассказа «История о петухе» нет прямого упоминания о его социальном положении. Но этот герой является также персонажем рассказов Писемского «Леший» и «Фанфарон» с подзаголовками «Рассказ исправника», «Ещё рассказ исправника», откуда читатель узнает, что Иван Семенович Шамаев – исправник Кокинского уезда в глухой провинции. У него богатый жизненный опыт, по делам службы он общается с разными людьми, знает много интересных случаев и историй, хорошо разбирается в характерах и поступ-

ках, здраво рассуждает о произошедших событиях, о законе, власти и справедливости.

Придя однажды на обед к рассказчику, сказитель поведал ему историю о становой приставе Карпенко, который злоупотреблял своей должностью, был нечист на руку, хитростями, обманом и интригами вымогал деньги, во всем искал себе выгоду, нарушал закон и чувствовал себя безнаказанным, держался грубо и нагло, унижал простых людей. Узнав о том, что в одном богатом селе из-за петуха произошел конфликт между двумя крестьянами, Карпенко решил воспользоваться этой ситуацией, чтобы получить деньги от каждого из мужиков.

Живо воспроизводя динамику событий, сказитель последовательно характеризует поведение лицемерного героя, который сначала хочет понравиться местным жителям, прикидывается мягким, покладистым и внимательным, пытается быть набожным и сострадательным: *помолился перед этой иконой и первый ей свечку поставил; к каждому торговцу с поклоном и приговором*. Выражение *с поклоном и приговором* является частью русской поговорки *Голова с поклоном, язык с приговором, ноги с подходом, руки с подносом*, которая позитивно характеризует общительного человека, способного расположить к себе людей, установить с ними доброжелательные отношения [Даль, 2007, с. 257]. Но в то же время, в зависимости от складывающихся обстоятельств, становой Карпенко проявляет излишнюю суровость, грубость и напускной гнев: *строгим, крикуном иногда прикидывается*. Он откровенно хамит деревенским мужикам: *Не отворачивай глаз-то, нечего!; Прочь!; я тебе прежде голову сверну*.

Для оживления повествования о давней истории в речи сказителя активно употребляются глаголы настоящего времени в значении прошедшего: *«сидит-сидит, пока пятидесяти, ста рублей не сдерёт с мужиков»; «Едет он один раз мимо одного села богатого...»; «Прямо входит он в сборную и обращается к одному из них»* [Писемский, 1984, с. 388]. Такой речевой прием характерен устной разговорной речи и фольклорным произведениям: русским былинам, легендам и сказкам. Для усиления интенсификации семантики используется редупликация глагольной формы: *сидит-сидит*. Традиции устного народного творчества прослеживаются также в создании характерных приемов выразительности. Рассказ сказителя содержит гиперболические сравнительные обороты и градационные ряды: *пьяных там, как поленьев, по углам валяется; Где мертвое тело поднимут,*

точно стопудовая гуля свалится на селенье; тихо, смиренно, ласково; въехал, закричал, загайкал. Лексический диалектизм *загайка* образован от глагола *гайка* ‘кричать, орать или шуметь’ [Даль, 1995, т. 1, с. 340]. Два противоположных по семантике градационных ряда характеризуют разное поведение станового Карпенко, раскрывают его лицемерие. В начале повествования он кажется спокойным, уравновешенным и доброжелательным: *тихо, смиренно, ласково*. Однако старик Шамаев при этом замечает, что народ не обманешь: *только никто что-то этому не верит*. Далее двуличный полицейский чиновник выглядит властным и самоуверенным, ведёт себя резко и нагло: *въехал, закричал, загайкал*. Словообразовательный повтор префикса *за-*, свойственный разговорной речи, усиливает негативные характеристики грубого поведения Карпенко.

В речи сказителя проявляются житейская мудрость и наблюдательность, он очень точно и лаконично изображает поступки людей, описывает их внешние и внутренние качества: *сотские были народ намётанный; тот этак из рыжих, плутоватый случился; Приводят мужика; бойкий такой был, и прямо к руке господина станового*. Оценочные определения являются здесь характерной особенностью народной речи: *намётанный* ‘опытный, искусный’; *плутоватый* ‘склонный к плутовству, обману, хитрости’; *бойкий* ‘решительный и находчивый, смелый’ [Словарь русского языка, 1985–1988, т. 1, с. 103; т. 2, с. 372; т. 3, с. 146]. Эпитет *рыжий* относится не только к цвету волос, но и к внутренним качествам человека, поскольку контактно расположенные лексемы становятся контекстуальными синонимами: *из рыжих, плутоватый*. Сравним с известными народными высказываниями: *С рыжим дружбу не води, с черным в лес не ходи; Рыжий да красный, человек опасный; Рыжих и во святых нет* [Даль, 2007, с. 251].

Старик Шамаев, уездный исправник, являясь полицейским чиновником, воспроизводит в своей речи лексику, именующую людей по социальному положению, занимаемым должностям: *губернатор, становой, сотский*; лексику, обозначающую административно-территориальные границы местности: *уезд, стан, село*; лексику с пространственной семантикой, обозначающей места, где разворачиваются провинциальные события: *церковь, кабак, лавка*.

Кульминационный фрагмент сказового повествования передается с помощью художественного диалога, в котором представлены речевые

планы станового пристава, сотских полицейских и деревенских мужиков. Повествовательная полифония создается с помощью текстовых повторов и параллельных синтаксических конструкций. Смысловой доминантой эпизода является оценочная характеристика Карпенко, графически выделенная в тексте рассказа курсивом: *сердит приехал!* Узнав о том, что крестьянин Иван Петров зарезал петуха у Николая Михайлова, пристав поочередно вызывает их для объяснений, замыслив получить денежную взятку с каждого из участников конфликта. Посредниками в разговоре Карпенко с мужиками выступают его помощники, сотские полицейские, которые подсказывают простым людям, как вести себя со становым. Сначала потерпевший не придает большого значения произошедшему случаю, не заявляет на своего обидчика в полицию. Но затем пострадавшему крестьянину оглашают статью закона о том, «что совершивший преступление и покрывший его подвергаются равному наказанию»:

«Прочитали мужику; стоит он разиня рот. Сотские между тем шепчут ему:

– Видишь, – говорят, – сердит приехал; поклонись ему червонцем!

Поклонился мужик – освободили.

– Ну, теперь, говорят, – убийцу давайте...

Струсил и тот парень; сотские и ему шепчут:

– Видишь, – говорят, – сердит; поклонись красненькой!

Стал мужик кланяться, так еще не берет господин становой. Он в ноги ему повалился: „Возьми, батюшко, только!“ Принял» [Писемский, 1984, с. 389].

Субъектно-речевые планы сказителя и героев объединяются в общее повествование путем текстовых повторов, которые передают настроение пристава (*сердит приехал – сердит*), а также характеризуют ответные поступки мужиков: *поклонился – стал кланяться*. Создается градация *стал кланяться – в ноги повалился*, которая выражает усиливающийся страх провинившегося крестьянина и является средством создания иронии. Параллельные синтаксические конструкции *поклонись червонцем – поклонись красненькой* относятся к речевому плану сотских полицейских, без стеснения называющих мужикам возрастающие размеры взяток становому приставу: *червонец – от пострадавшего; красненькая – от виновного*. Эмоциональное состояние крестьян, вовлеченных в конфликт, иронически характеризуется фразеологическими средствами: *разиня рот* (прост. неодобр. *разинуть рот* ирон. ‘проявить крайнее

удивление, изумление'); *в ноги повалился (падать к ногам 'умолять, просить')* [Фразеологический словарь русского литературного языка, 1996, т. 2, с. 73, 181].

Двойная актуализация семантики ключевого выражения *свернуть голову* осуществляется в диалогическом единстве и служит приемом создания комического:

«– Как, – говорит, – ты смеешь производить дневной грабёж с разбоем?

– Я, – говорит, – сударь, никого не грабил!

– Как никого? А петух Николая Михайлова где?

– Николая Михайлова петуху, – говорит мужик, – я завсегда *голову сверну* – он у меня все подсолнечники перепортил!

– Ну так, – говорит ему Карпенко, возвысив уже голос, – я тебе прежде *голову сверну*. Эй! Колодки!» [Писемский, 1984, с. 389].

В реплике мужика сочетание *голову сверну* используется в прямом смысле: крестьянин действительно уничтожил провинившегося петуха своего соседа. А в реплике станового пристава фразеологизм *голову сверну* имеет метафорическую семантику и служит средством устрашения: *свернуть голову* прост. экспрес. 'убить (употребляется как угроза)' [Фразеологический словарь русского литературного языка, 1996, т. 2, с. 218].

В диалогах станового, сотских полицейских и мужиков представлены разговорно-просторечные черты (*погляди-ка; чёрный-то; что ли; ну; эй*), обращения, характерные устной речи XIX века (*ваши благородие; батюшка, батюшко* в звательной форме; *братец, сударь*), негативные оценочные взаимохарактеристики героев (*подлец, надругатель, дураки*).

По результатам языкового анализа сказового повествования выявляются особенности, из которых складывается речевой портрет старика Шамаева, уездного исправника: активное употребление народно-разговорной лексики, оценочных высказываний, образных средств языка; ироническое отношение к изображаемым событиям; точная, выразительная и комическая передача своеобразия речи других персонажей.

**Специфика двуголосого повествования:
взаимодействие речевых планов
перволичного рассказчика и сказителя.
Способы выражения авторской позиции**

Сказовое повествование старика Шамаева составляет основной объем произведения и включено в структуру перволичного повествования. Ре-

чевой план рассказчика обрамляет сказ и представлен в сильных позициях: в начале и в конце текста. Рассказчик является слушателем истории, которую поведал сказитель. В речи исправника используются слова, обращенные прямо к собеседнику и выполняющие контактоустанавливающую функцию: *мы с вами говорили; заметьте; изволите видеть; знаете*.

В финале произведения рассказчик передает свои впечатления об услышанном, размышляет о речевом поведении сказителя и о себе:

«Слушая Шамаева, я предавался довольно странным мыслям: мне казалось, что и он всё это лжет и выдумывает для моей потехи. «Да, старичок, – думалось мне, – и ты сумеешь разыграть сцену, какую только захочешь...». Наконец, самто я... автор? Правду ли я всё говорю, описывая даже этих самых лгунов?» [Писемский, 1984, с. 389–390].

В рассуждениях рассказчика используются контекстуальные синонимы *лжет – выдумывает – разыграть сцену*, которые создают циклообразующие связи. Повествователь допускает мысль, что сказитель может приукрасить, выдумать свой рассказ, чтобы угодить собеседнику. В то же время размышления рассказчика передают авторскую позицию. Писатель завершает произведение проблемными вопросами, которые ориентируют читателя на понимание сложной природы художественного творчества, в котором присутствуют вымысел, фантазия автора.

Важным способом выражения авторской позиции является также заглавие рассказа «История о петухе». В динамике развертывания общей текстовой семантики это название приобретает смысловую многомерность: 1) петух – домашняя птица крестьянина, которую уничтожил сосед; 2) петух – метафорическая характеристика главного героя, станового пристава Карпенко (*петух* перен. разг. 'о задиристом, запальчивом человеке, забияке') [Словарь русского языка, 1985 – 1988, том 3, с. 116].

Заключение

В рассказе А. Ф. Писемского «История о петухе» активно функционирует система лексико-фразеологических, морфологических и синтаксических языковых средств, обладающих высоким прагматическим потенциалом, что проявляется в их способности передавать динамику изображаемых событий, создавать речевой портрет сказителя и яркие характеристики других героев произведения, диалогизировать монологическое слово

сказового повествователя, формировать текстовую модальность, отражать авторскую позицию. Высокий прагматический потенциал анализируемых языковых средств обусловлен сложной моделью коммуникации, представленной в рассказе: автор – сказитель – перволичный рассказчик в роли слушателя – читатель. Писатель широко использует народно-разговорную лексику и фразеологию, контекстуальную синонимию, формы настоящего времени в значении прошедшего, словообразовательные повторы, градации и гиперболы, параллельные синтаксические конструкции, что способствует экспликации концептуального содержания рассказа и созданию комического. Текстовое взаимодействие ведущих языковых средств и речевых приёмов выразительности обеспечивает структурно-смысловую целостность сказового повествования.

Библиографический список

1. Аннинский Л. А. Сломленный : повесть о Писемском // Аннинский Л. А. Три еретика. Москва : Книга, 1988. С. 13–142.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / перевод с французского, сост., общ. ред. и вступ. ст. П. С. Косикова. Москва : Прогресс: Универс, 1994. 616 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 тт. Том 6. Москва : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. С. 7–300.
4. Виноградов В. В. Проблема сказа в стилистике // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Москва : Наука, 1980. С. 42–54.
5. Грязнова А. Т. Язык и стиль очерка А. Ф. Писемского «Питерщик» // Русский язык в школе : научно-методический журнал. 2001. № 2. С. 61–69.
6. Даль В. И. Пословицы русского народа. Москва : Русский язык – Медиа, 2007. 814 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 тт. Москва : ТЕРРА, 1995.
8. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры : [в 2 томах]. Том 2. Москва : Издательство им. Сабашниковых, 1998. С. 60–280.
9. Киклевич А. К. Теория дискурса и стилистика // Филологические науки : научно-методический журнал. 2018. № 4. С. 3–10.
10. Кравченко Э. Я. Сказ // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. Москва : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 233 – 235.
11. Круглова Е. Н. Проблема образа автора в творчестве А. Ф. Писемского // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2006. Том 12. № 4. С. 130–135.
12. Круглова Е. Н. Региональный аспект отечественной литературы: изучение творчества А. Ф. Писемского в школе // Духовно-нравственные основы русской литературы : сборник научных статей / науч. ред. Н. Г. Коптелова; отв. ред. А. К. Котлов. Кострома : Костромской государственной университет, 2018. С. 154–156.
13. Круглова Е. Н. Элективный курс по творчеству А. Ф. Писемского в рамках новой предметной области «Родная литература» в образовательных организациях Костромской области // Духовно-нравственные основы русской литературы : сборник научных статей / науч. ред. Н. Г. Коптелова; отв. ред. А. К. Котлов. Кострома : Костромской государственной университет, 2020. С. 177–181.
14. Лебедев Ю. В. Алексей Феофилактович Писемский // Лебедев Ю. В. Литература Костромского края XIX–XX веков : книга для учителя. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. С. 157–183.
15. Лотман Ю. М. А. Ф. Писемский // История русской литературы. Том 3. Ленинград : Наука, 1982. С. 203–231.
16. Николина Н. А. Филологический анализ текста : учебное пособие. Москва : Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
17. Падучева Е. В. Семантика нарратива // Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке): научная монография. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 195–418.
18. Писемский А. Ф. Рассказы. Москва : Советская Россия, 1984. 432 с.
19. Плеханов С. Н. От имени жизни : А. Ф. Писемский // Писемский А. Ф. Рассказы. Москва : Советская Россия, 1984. С. 5–19.
20. Плеханов С. Н. Писемский : Жизнь замечательных людей. Москва : Молодая гвардия, 1986. 174 с.
21. Попова Е. А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива : научная монография. Липецк, 2001. 268 с.
22. Радбиль Т. Б. Лингвопоэтика и нарратология // Радбиль Т. Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения : научная монография. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2017. С. 423–559.
23. Сковородников А. П. Стилизация // Энциклопедический словарь-справочник : Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. 2-е изд. Москва : Флинта : Наука, 2009. С. 309–313.
24. Словарь русского языка : [в 4 томах] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. Москва : Русский язык, 1985–1988.
25. Смирнова Ю. А. Речевая структура образа героя-рассказчика в повестях и рассказах А. Ф. Писемского // Поэтика и стилистика. Москва : Наука, 1991. С. 192–201.
26. Тимашова О. В. И. Анненский о стиле А. Ф. Писемского и А. Н. Островского // Известия Саратовского университета. 2007. Том 7. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 2. С. 37–45.

27. Фокина М. А. Филологический анализ текста : учебное пособие. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. 140 с.

28. Фразеологический словарь русского литературного языка: [в 2 томах] / сост. А. И. Фёдоров. Москва : Цитадель, 1997.

29. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учебное пособие. Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. 248 с.

30. Шмид В. Нарратология. Москва : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

31. Эйхенбаум Б. М. Иллюзия сказа // Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу. Ленинград : Academia, 1924. С. 152–156.

32. Kiklewicz A. Kategorie dyskursu // Kiklewicz A. Dyskurs: aspekty lingwistyczne, semiotyczne i komunikacyjne. Olsztyn, 2015. S. 15–42.

Reference List

1. Anninskij L. A. Slomlennyj : povest' o Pisemskom = Broken: the story of Pisemsky // Anninskij L. A. Tri eretika. Moskva : Kniga, 1988. S. 13–142.

2. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika = Selected works: Semiotics: Poetics / perevod s francuzskogo, sost., obshh. red. i vstup. st. P. S. Kosikova. Moskva : Progress: Univers, 1994. 616 s.

3. Bahtin M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo = Problems of Dostoevsky's poetics // Bahtin M. M. Soznanie sochinenij v 7 tt. Tom 6. Moskva : Russkie slovari : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. S. 7–300.

4. Vinogradov V. V. Problema skaza v stilistike = The problem of saying in style // Vinogradov V.V. O jazyke hudozhestvennoj prozy. Moskva : Nauka, 1980. S. 42–54.

5. Grjaznova A. T. Jazyk i stil' ocherka A. F. Pisemskogo «Pitershhik» = Language and style of the essay by A. F. Pisemsky «St. Petersburg» // Russkij jazyk v shkole : nauchno-metodicheskij zhurnal. 2001. № 2. S. 61–69.

6. Dal' V. I. Poslovcy russkogo naroda = Proverbs of the Russian people. Moskva : Russkij jazyk – Media, 2007. 814 s.

7. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka : v 4 tt. = Defining dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols. Moskva : TERRA, 1995.

8. Zhenett Zh. Povestvovatel'nyj diskurs = Narrative discourse // Zhenett Zh. Figury : [v 2 tomah]. Tom 2. Moskva : Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh, 1998. S. 60–280.

9. Kiklevich A. K. Teorija diskursa i stilistika = Theory of discourse and stylistics // Filologicheskie nauki : nauchno-metodicheskij zhurnal. 2018. № 4. S. 3–10.

10. Kravchenko Je. Ja. Skaz = Narration // Pojetika : slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij / gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko. Moskva : Izdatel'stvo Kulaginoj; Intrada, 2008. S. 233–235.

11. Kruglova E. N. Problema obraza avtora v tvorcestve A. F. Pisemskogo = The problem of the image of

the author in the work of A.F. Pisemsky // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A.Nekrasova. 2006. Tom 12. № 4. S. 130–135.

12. Kruglova E. N. Regional'nyj aspekt otechestvennoj literatury: izuchenie tvorcestva A. F. Pisemskogo v shkole = Regional aspect of Russian literature: study of the work of A.F. Pisemsky at school // Duhovno-nravstvennye osnovy russkoj literatury : sbornik nauchnyh statej / nauch. red. N. G. Koptelova; otv. red. A. K. Kotlov. Kostroma : Kostromskoj gosudarstvennyj universitet, 2018. S. 154–156.

13. Kruglova E. N. Jelektivnyj kurs po tvorcestvu A. F. Pisemskogo v ramkah novoj predmetnoj oblasti «Rodnaja literatura» v obrazovatel'nyh organizacijah Kostromskoj oblasti = Elective course on the work of A. F. Pisemsky in the framework of the new subject area «Native Literature» in educational organizations of the Kostroma region // Duhovno-nravstvennye osnovy russkoj literatury : sbornik nauchnyh statej / nauch. red. N. G. Koptelova; otv. red. A. K. Kotlov. Kostroma : Kostromskoj gosudarstvennyj universitet, 2020. S. 177–181.

14. Lebedev Ju. V. Aleksej Feofilaktovich Pisemskij = Alexey Feofilaktovich Pisemsky // Lebedev Ju. V. Literatura Kostromskogo kraja XIX–XX vekov : kniga dlja uchitelja. Kostroma : KGU im. N.A.Nekrasova, 2009. S. 157–183.

15. Lotman Ju. M. A. F. Pisemskij = A. F. Pisemsky // Istorija russkoj literatury. Tom 3. Leningrad : Nauka, 1982. S. 203–231.

16. Nikolina N. A. Filologicheskij analiz teksta = Philological analysis of the text : uchebnoe posobie. Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2003. 256 s.

17. Paducheva E. V. Semantika narrativa = Narrative semantics // Paducheva E. V. Semanticheskie issledovanija (Semantika vremeni i vida v russkom jazyke): nauchnaja monografija. Moskva : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. S. 195–418.

18. Pisemskij A. F. Rasskazy = Stories. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1984. 432 s.

19. Plehanov S. N. Ot imeni zhizni : A. F. Pisemskij = On behalf of life: A. F. Pisemsky // Pisemskij A. F. Rasskazy. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1984. S. 5–19.

20. Plehanov S. N. Pisemskij : Zhizn' zamechatel'nyh ljudej = Pisemsky: Life of wonderful people. Moskva : Molodaja gvardija, 1986. 174 s.

21. Popova E. A. Kommunikativnye aspekty literaturnogo narrativa = Communicative aspects of literary narrative : nauchnaja monografija. Lipeck, 2001. 268 s.

22. Radbil' T. B. Lingvopojetika i narratologija = Linguistic ethics and narratology // Radbil' T. B. Jazyk i mir: Paradoksy vzaimootrazhenija : nauchnaja monografija. Moskva : Izdatel'skij Dom JaSK, 2017. S. 423–559.

23. Skovorodnikov A. P. Stilizacija = Stylization // Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik : Vyrzitel'nye sredstva russkogo jazyka i rechevye oshibki i nedochety / pod red. A. P. Skovorodnikova. 2-e izd. Moskva : Flinta : Nauka, 2009. S. 309–313.

24. Slovar' russkogo jazyka : [v 4 tomah] = Dictionary of Russian: [in 4 volumes] / AN SSSR, In-t rus. jaz.; pod red. A. P. Evgen'evoj. 3-e izd. Moskva : Russkij jazyk, 1985–1988.

25. Smirnova Ju. A. Rechevaja struktura obraza geroja-rasskazchika v povestjah i rasskazah A. F. Pisemskogo = The speech structure of the image of the hero-narrator in the novels and stories of A.F. Pisemsky // Pojetika i stilistika. Moskva : Nauka, 1991. S. 192–201.

26. Timashova O. V. I. Annenskij o stile A. F. Pisemskogo i A. N. Ostrovskogo = I. Annensky on the style of A. F. Pisemsky and A.N. Ostrovsky // Izvestija Saratovskogo universiteta. 2007. Tom 7. Ser. Filologija. Zhurnalistika. Vyp.2. S. 37–45.

27. Fokina M. A. Filologicheskij analiz teksta = Philological analysis of the text: uchebnoe posobie. Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova, 2013. 140 s.

28. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka: [v 2 tomah] = Phraseological dictionary of the Russian literary language: [in 2 volumes]/ sost. A. I. Fjodorov. Moskva : Citadel', 1997.

29. Chernjavskaia V. E. Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' = Text linguistics: Polycodicity, intertextuality, interdiscursivity : uchebnoe posobie. Moskva : Knizhnyj dom «Librokom», 2009. 248 s.

30. Shmid V. Narratologija = Narratology. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. 312 s.

31. Jeihenbaum B. M. Illjuzija skaza = The illusion of saying // Jeihenbaum B. M. Skvoz' literaturu. Leningrad : Academia, 1924. S. 152–156.

32. Kiklewicz A. Kategoriezacja dyskursu // Kiklewicz A. Dyskurs: aspekty lingwistyczne, semiotyczne i komunikacyjne. Olsztyn, 2015. S. 15–42.